

— Ну как господин Беллу мог оказаться таким человеком!

У Ли Цзиньцю раскалывалась голова.

Его единственная и любимая младшая сестра, Чжоу Цзюньтун, в первый же день после возвращения на родину пришла с работы и сразу же устроила грандиозную истерику с рыданиями. Ладно бы ревела у себя в комнате, но ей обязательно нужно было прийти именно к нему.

— Я ведь всегда верила, что Беллу тратит столько денег и сил не просто ради спасения наших древних реликвий! Я думала, всё это — дань его дружбе с Шэнь Лином! — сквозь хриплые рыдания выдавила Чжоу Цзюньтун. — «Высокие горы и текучие воды», верность до гробовой доски... Это же так прекрасно!

От её надрывных криков у Ли Цзиньцю заложило уши. Поморщившись, он потянулся к коробке, достал бумажную салфетку и протянул сестре.

Чжоу Цзюньтун резко выхватила её и принялась утирать слёзы, которые, казалось, текли неиссякаемым потоком. Глаза у неё опухли и покраснели, но даже в таком состоянии она не забывала злиться.

— Брат, ну скажи хоть что-нибудь!

— Что мне сказать? — Ли Цзиньцю уныло покосился на неё и тихо, устало вздохнул.

— Ну хотя бы утешь меня! Скажи, что ученик мастера Фаня всё наврал. Или что господина Беллу самого ввели в заблуждение, а к Шэнь Лину он всегда относился искренне!

Ли Цзиньцю лишь плечами пожал:

— Раз уж ты сама прекрасно справляешься с собственным утешением, то моё присутствие здесь явно лишнее.

— Ах ты... бесчувственный чурбан! — Чжоу Цзюньтун задохнулась от возмущения, хотя, если подумать, для её братца подобное равнодушие было делом вполне обычным.

Стиснув зубы, она резко поднялась на ноги:

— Всё, довольно. Я не стану ждать окончания выставки. Прямо сейчас отпрошусь у директора Юя и улечу обратно в Италию, в Музей Беллу, к своему наставнику.

Ли Цзиньцю мгновенно оживился:

— Когда вылетаешь? Я с тобой.

Чжоу Цзюньтун даже слегка растрогалась. Пусть у них были разные фамилии, выросли они в одной семье и были по-настоящему близки. Брат мог язвить сколько угодно, но в нужный момент всегда готов был её поддержать.

— Не переживай так, братишка, я глупостей не наделаю, — уже мягче произнесла она. — Я возвращаюсь лишь для того, чтобы поднять архивы и разобраться во всей этой истории с гуцинем. Тебе вовсе не обязательно ехать со мной.

— Обязательно, — отрезал он.

Ли Цзиньцю бросил взгляд на заваленный черновиками партитур рабочий стол:

— Доменико заказал мне пьесу, репетиции в театре начнутся уже на следующей неделе. А я прихватил с собой и виолончель, и скрипку. Одному мне всё это добро обратно не дотащить. Раз уж ты всё равно летишь во Флоренцию, поможешь с багажом и потаскаешь мои футляры.

Слёзы Чжоу Цзюньтун мгновенно высохли, уступив место чистейшей ярости.

— Да чтоб ты провалился, эгоист несчастный! Да ни за что в жизни я пальцем не прикоснусь к твоим инструментам!

Ли Цзиньцю лишь покачал головой. Женская логика оставалась для него неразрешимой загадкой. Ну как можно убиваться из-за правдивости старой легенды, а потом срывать злость на родном брате?

Сестра оказалась на редкость упрямой и своё слово сдержала: к инструментам даже не прикоснулась. Весь полёт они провели в одном самолёте, но она демонстративно игнорировала его, делая вид, будто они незнакомы.

В итоге ему пришлось в одиночку оформлять багаж, таскать виолончель, скрипку и тяжеленный чемодан, а после нанимать носильщика, чтобы доставить всё это до отеля.

Провозившись половину дня, он наконец добрался до Музыкального театра Флоренции, бережно сжимая в руках свежеоформленную партитуру.

Это величественное здание славилось своими просторными залами и роскошным убранством. За шестьдесят лет с момента открытия его сцена видела немало легендарных оркестров и величайших исполнителей современности, чьи концерты вошли в историю мировой музыки.

Ли Цзиньцю чувствовал себя здесь как дома.

Он бывал здесь по пять-шесть раз в год, всякий раз предвкушая новые открытия, и досконально изучил акустические особенности каждого зала.

Зал Маргариток идеально подходил для оперы, в Зале Фиалок ставили драматические пьесы, Зал Падуба предназначался для масштабных театральных шоу, а в изысканном Зале Роз обычно звучала симфоническая музыка.

Знаменитый пианист Доменико, являвшийся совладельцем театра, предпочитал проводить репетиции именно в Зале Роз, зная, насколько требователен Ли Цзиньцю к пространству, чистоте звука и общей атмосфере.

И тот действительно ценил этот жест.

Поэтому, несмотря на дальнюю дорогу, композитор всегда с радостью приезжал лично, чтобы воочию наблюдать, как его черновики обретают живое звучание.

Зал Роз встречал гостей элегантным декором и безупречной акустической картиной, превращая даже рабочие прогоны в истинное наслаждение...

— О, ты уже здесь?

Переступив порог дверей, украшенных тонкой резьбой в виде бутонов роз, Ли Цзиньцю обнаружил, что Доменико уже на месте.

— Доменико, что заставило тебя прийти в такую рань?

Его внезапный возглас прервал неторопливый разговор пианиста с его спутником.

Чжун Ин обернулся на голос и увидел молодого человека с тёмными волосами и пронзительными чёрными глазами, одетого в простую повседневную одежду.

В его облике сквозила некоторая мрачность, а на уставшем лице лежала тень застарелой бессонницы, однако взгляд оставался невероятно острым, способным, казалось, заглянуть в самую душу.

Чжун Ин сразу понял: перед ним тот самый Ли Цзиньцю, о котором предупреждал Доменико.

«Твой наставник просил меня помочь тебе встретиться с Беллу, — всплыли в памяти Чжун Ина слова пианиста. — Единственное, что я могу предложить, — сыграй для него. Добейся его

расположения музыкой, как когда-то это сделал твой учитель».

«К счастью, совсем скоро состоится торжественный концерт в честь девяностосемилетия старого Гаррисона Беллу. Если ты докажешь своё мастерство, я согласен заменить партию гучжэна на твой гучинь в этом концерте».

«Но...»

Но загвоздка заключалась в том, что приглашённый композитор отличался поразительным упрямством и граничащим с безумием перфекционизмом.

Доменико искренне желал помочь юноше, но не мог гарантировать, что Ли Цзиньцю одобрит подобную вольность.

Гаррисон Беллу покровительствовал многим музыкантам, однако именно самобытный стиль Ли Цзиньцю, виртуозно сочетавшего традиционные восточные инструменты с мощью западного симфонического оркестра, в последние годы стал главной страстью старого мецената.

Доменико не сомневался: если Чжун Ин исполнит эту пьесу, её звуки непременно растрогают пожилого коллекционера, чьё сердце было неразрывно связано с Китаем.

Вот только как растопить лёд в душе самого Ли Цзиньцю, пианист не знал.

Ли Цзиньцю подошёл ближе и, вскинув брови, поинтересовался:

— Новый стажёр?

Доменико, начисто забыв о своём статусе совладельца театра, с готовностью поспешил представить гостя:

— Вовсе нет! Это наш новый солист. Он настоящий гений!

К одарённым людям Ли Цзиньцю питал слабость. Как правило, юные таланты были полны свежих идей и неординарных решений, привнося крупинки ярких красок в его монотонные будни.

Композитор первым протянул руку:

— Ли Цзиньцю, композитор.

— Очень приятно, — Чжун Ин оценил вежливость собеседника. — Меня зовут Чжун Ин.

Но стоило их ладоням соприкоснуться, как Чжун Ин ощутил крепкую, оценивающую хватку.

Это не было дежурным рукопожатием — скорее профессиональный жест опытного мастера, пытающегося с ходу прощупать возможности нового исполнителя.

Пальцы разошлись спустя пару мгновений, но Чжун Ин готов был поклясться, что Ли Цзиньцю уже составил первое впечатление о его технике и стаже тренировок.

Предположение подтвердилось сразу же. Композитор с любопытством спросил:

— Разве исполнители на гучжэне не пользуются накладными ногтями? Откуда у тебя такие жесткие мозоли на ладонях?

— Эм... — Доменико замялся, чувствуя неловкость. — Вообще-то, его инструмент — гуцинь.

В ту же секунду Чжун Ин воочию понаблюдал за тем, как стремительно меняется выражение лица композитора.

Доброжелательная улыбка мгновенно сошла с губ Ли Цзиньцю. Он резко развернулся к пианисту:

— Доменико, ты решил вставить в мою пьесу гуцинь? И почему я узнаю об этом только сейчас?

Доменико заговорил примирительным тоном, тщательно подбирая слова:

— Твоё произведение безупречно, у меня и в мыслях не было спорить. Но подумай сам... разве гуцинь не раскроет глубину этой музыки куда лучше, чем гучжэн?

— Ничуть.

Ли Цзиньцю скрестил руки на груди, его взгляд стал ледяным. От бывшего дружелюбия не осталось и следа.

— «Золотой перезвон» — это концерт в си-бемоль мажоре. По твоему же запросу я написал светлую, жизнерадостную и мягкую вещь с ведущей партией гучжэна, чтобы достойно поздравить почтенного старца с юбилеем. И, уж прости за прямоту, гуцинь с его глухим, мрачным и траурным тембром сюда не впишется при всём желании.

Композитор прервался на секунду и, сухо взглянув на Чжуна Ина, добавил без капли искренности в голосе:

— Без обид. Это касается не тебя лично, а инструмента в целом.

Слова извинения прозвучали как пустая формальность. Защищая своё творение, Ли Цзиньцю не щадил чужого самолюбия, отчего Чжун Ин невольно нахмурился.

— Но Чжун Ин — дарование! Я уверен, он сумеет вдохнуть жизнь в этот «мрачный» инструмент и заставить его звучать ярко, — попытался сгладить углы мягкосердечный Доменико. — В конце концов, и гучжэн, и гуцинъ — родственные китайские струнные инструменты. Какая между ними принципиальная разница?

— Разница? — язвительно переспросил Ли Цзиньцю. Когда дело касалось партитуры, никакие авторитеты и таланты не могли смягчить его упрямство. — У гучжэна двадцать одна струна, а у гуциня — всего семь. Дорогой мой пианист, у тебя что, начался преждевременный Альцгеймер, раз ты разучился считать?

— Да как ты... — задохнулся от возмущения Доменико. — Связаться с тобой было моей величайшей ошибкой! Всё, я умываю руки. Пойду навещу своего врача, пока твой несносный характер не свёл меня в могилу до юбилея старика Беллу.

Сдерживая гнев, он с сочувствием похлопал Чжун Ина по плечу и вздохнул:

— Прости, парень. Дальше тебе придётся справляться самому. Я сделал всё, что мог.

С этими словами он поспешно удалился, перепоручив бразды правления дирижёру Памеле.

Быстрый шаг уходящего пианиста наводил на мысль, что визит к врачу был лишь благовидным предлогом для побега, призванным избавить его от необходимости укрощать строптивого композитора.

Памела, задумчиво вертя в руках дирижёрскую палочку, обратилась к упрямцу:

— Цю, Доменико уже отменил вызов для исполнителя на гучжэне. Может, стоит дать парню шанс показать себя?

Однако Ли Цзиньцю остался непреклонен.

— В моей партитуре нет места фальшивым, чуждым созвучиям.

Он повернулся к Чжун Ину и безжалостно отрезал:

— Ты слишком молод и понятия не имеешь, как устроено моё произведение. Эту музыку можно

исполнить либо на гучжэне, либо на фортепиано. Других вариантов нет. Смирись и уходи.

Высказав это высокомерное напутствие, он сошёл со сцены и встал прямо перед оркестровой ямой, скомандовав:

— Начинаем репетицию «Золотого перезвона». Живо!

Музыканты, ставшие невольными свидетелями этой сцены, замерли в гробовом молчании. Все они давно привыкли к скверному и деспотичному нраву композитора.

Не теряя времени, оркестранты раскрыли нотные тетради на первой странице и приготовились ловить жест дирижёра.

Памела заняла своё место на подиуме и растерянно развела руками:

— Но у нас нет солирующего инструмента...

— Разве отсутствие солиста мешает тебе читать партитуру? — жестко парировал Ли Цзиньцю.

Памела примиряюще вскинула ладони, признавая поражение.

Выдержав недолгую паузу, она взмахнула палочкой, и под сводами зала поплыл мягкий, протяжный напев скрипок.

Чжун Ин, стоявший в стороне, не ожидал такого поворота событий.

Пять лет назад он уже сопровождал своего наставника во Флоренцию, и их концерт проходил как раз в этом самом Зале Роз.

Радужный приём организаторов и фигура Доменико, совмещавшего роли музыканта и директора, врезались ему в память. Тот всегда славился своей осторожностью и здоровым консерватизмом.

Поэтому, когда учитель упомянул, что пианист вызвался помочь организовать выступление перед старым Беллу, Чжун Ин долго не мог в это поверить.

В прошлом Доменико вовсе не казался человеком, склонным к бескорыстному альтруизму. Чжун Ин даже успел мысленно укорить себя за предвзятость, поразившись внезапной щедрости итальянца.

И лишь теперь, столкнувшись лицом к лицу с упрямым Ли Цзиньцю, юноша всё понял.

Стало ясно, почему Доменико согласился без долгих уговоров: он просто знал, что главный барьер преодолеть не удастся. Настоящей каменной стеной был этот невыносимый композитор, который не желал давать даже призрачного шанса на пробу.

Оркестр играл на удивление слаженно. Ноты «Золотого перезвона» раздали музыкантам ещё неделю назад, и, несмотря на статус первого прогона, мелодия текла ровно и гармонично, будто они репетировали её месяцами.

Вот только...

В местах, где должен был звучать солирующий инструмент, зияли пустоты тишины.

Чжун Ин бесшумно подошел к пюпитру, у которого только что стоял Доменико. На оставленных листах была полностью расписана партитура «Золотого перезвона».

Вслушиваясь в живую игру оркестра, он параллельно скользил глазами по сложным переплетениям пятилинейной записи, пытаясь уловить логику причудливых пауз и капризного, своенравного темпа, характерного для стиля Ли Цзиньцю.

В его сознании уже зарождался безмолвный голос гуциня, идеально ложащийся на переходы и затишья оркестровой лавины.

Безупречная игра музыкантов на сцене доказывала их высокий профессионализм.

Под тяжелым, придирчивым взглядом автора они довели репетицию до самого финала.

Когда стихли последние аккорды и оркестранты обреченно замерли в ожидании неизбежной порции разгромной критики от Ли Цзиньцю, из-за кулис внезапно вышел молодой человек с инструментом в руках.

Не дожидаясь ничьего разрешения, Чжун Ин спокойно поднялся на подмости, неся свой темный лаковый гуцинь.

Корпус этого гуциня, названного «Уединенной обителью», был искусно вырезан из павловнии. На нем были натянуты семь современных стальных струн в шелковой оплетке, а порожки, подставки и колки, выполненные из благородного черного дерева, выгодно контрастировали с общим силуэтом. Плавные, двойные изгибы корпуса в стиле Владыки Фуси придавали инструменту строгий, изысканный и благородный вид.

Заметив, как нахмурился Ли Цзиньцю, Чжун Ин отчетливо ощутил волну неприятия.

Но отступать было поздно.

На сцене не нашлось свободного стула для солиста.

Тогда юноша просто опустился прямо на деревянный настил сцены, бережно уложив семиструнную «Уединенную обитель» себе на колени. В этой непринужденной позе он походил на древнего отшельника, музицирующего в бамбуковой роще, — свободного от условностей и совершенно равнодушного к изумленным взглядам оркестрантов.

Чжун Ин поднял глаза на дирижёра, безмолвно призывая её начать заново и дать ему знак взмахом палочки.

Памела растерялась и инстинктивно повернулась в сторону композитора:

— Цю...

Она не могла начать без его прямого согласия.

— Какое поразительное упрямство, — протянул Ли Цзиньцю. Упрямый творец не мог не отметить родственную черту в незваном исполнителе.

Впрочем, на сей раз в его тоне промелькнула неожиданная снисходительность:

— Что ж, ладно. Я дам тебе шанс. Но предупреждаю: если звук покажется мне фальшивым или неблагозвучным, я лично велю охране выставить тебя за дверь.

Он прищурился и добавил с холодной усмешкой:

— И не надейся тогда на пощаду.

<http://bllate.org/book/20108/1998634>